

УДК 159.922.4; 159.923.32; 316.647.5; 316.482.5; 316.647.8; 159.923.2

Ното Xenophobicus: психология «своего и чужого»

В. Е. Каган

Каган Виктор Ефимович
психиатр и психотерапевт (клинический психолог), доктор медицинских наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга. С 1999 года живет и работает в США.

«Свобода — это когда свобода одного упирается в свободу другого и имеет эту последнюю своим условием».

Мераб Мамардашвили

«Национализм — это когда свинья вместо того, чтобы чесаться о забор, чешется о другую свинью».

Фазиль Искандер

«Интеллигент — это человек, чей гуманизм (т. е. уважение к инакомыслию, инакочувствию и инакожизнию) шире, чем его собственные убеждения».

Алексей Симонов

Эрбер ле Поррье пишет об Испании XI—XII веков.: «Кордова создала народ, который никогда не склонял головы. В часы молитв все лица были повернуты к востоку, и, может быть, смотреть всем в одну сторону было знаком самого глубокого единения. Треть города праздновала день отдыха по пятницам, треть — по субботам, треть — по воскресеньям, и никто не противился этому. Существовал даже уговор с кастильцами никогда не сражаться в эти три дня ... Разнообразная и единая, Кордова наслаждалась свободой» (Поррье, 1989). Идиллия эта, а таковых в истории человечества не слишком много, закончилась в 1148 году со вторжением в Испанию альмохадов и последующими

крестовыми походами против мусульман. Но она была, иллюстрируя и доказывая собой, что «свое и чужое» отнюдь не обязательно конфликтно, а свобода неотделима от направлений и способов разрешения диалектических противоречий между ними.

Проблема «свой и чужой» рассматривается здесь в гуманитарно-психологических рамках, хотя ее внутренние и внешние границы могут быть прочерчены и иначе. География и интенсивность ксенофобии сегодня носят весьма впечатляющий характер, поэтому в статье к минимуму сведено обращение к персоналиям и местным колоритам, а рассматривается, прежде всего, само это явление.

Предрассудок или закономерность?

Хотя ксенофобия никоим образом не сводима только к национальной/этнической и религиозной нетерпимости, именно в них она обретает наиболее законченное и драматическое, если не трагическое выражение. Одни из лучших работ на русском языке о психологии и социальной психологии национальной нетерпимости принадлежат И.С. Кону (Кон, 1998).

Слово «предрассудок» в наше время несет на себе негативный отпечаток, по крайней мере, в социальном и социально-психологическом плане. Пред-рассудок — до-рассудка — без-рассудка. Но ни один носитель пред-рассудка не считает свои взгляды и позиции пред-рассудочными или, тем более, без-рассудными — как раз эта негативная сторона обычно приписывается «чужому». Более того, делается множество попыток «научных» обоснований таких предрассудков. Например, антропометрия времен Тре-

А.П. Чеховым в записках о сахалинской каторге. Отбыв каторжный срок за грабеж, молодой парень возвращается домой с твердым решением, как сказали бы сегодня, «завязать». Сколько-то времени держится. Но однажды слышит о купце, который дурно обращается со своими домашними и челядью. Неделю или две, найдя подходящее место, он наблюдает за жизнью в подворье этого купца. То, что он видит, все больше и больше убеждает его в том, что купец этот — человек нехороший и вполне заслуживает наказания. Освободить его от части несправедно нажитого и эгоистически используемого добра было бы не грабежом, а справедливым возмездием. Парень идет на грабеж, обитатели дома случайно просыпаются, дело заканчивается убийством домочадцев купца, за которых парень так страдал, и каторгой — теперь уже пожизненной. Сам парень говорит о наблюдении за жизнью в доме купца удивительно точно: «Злобу копил».

Вы посмотрите, что творится: самые богатые люди — «черные», а мы, русские дураки, скоро им в ноги будем кланяться» (<http://main.izvestia.ru/conflict/07-10-03/article39445>).

Во-вторых, изменение смысла направлено на превращение человека в «чужого», его отчуждение, связывание этого «чужого» с угрозой (реальной или воображаемой) «своему». Оно не просто направлено на такое превращение, а определяется им.

История религий, культур, обществ, войн, история человечества вообще — это история разделения на «своих и чужих», «свое и чужое». Частота связей «чужого» с угрозой заставляет думать, что речь идет не просто о предрассудках отдельных людей или групп, а о существовании неких базовых закономерностей страха перед «чужим». Конечно, хотелось бы думать о ксенофобии как об искоренимом предрассудке или некоей случайно возникающей аберрации человеческого сознания. Однако «Ничто в мире не происходит случайно или по чьей-то глупости» (К. Гедель). Ксенофобия — не исключение.

Мы можем лишь градуировать степень выраженности ксенофобии и ее проявлений в континууме: ситуативная реакция осторожности — закрепление ее в виде страха перед «чужим» — негативная установка ко всему чужому, осложняющая собственную и чужую жизнь — поломка механизмов различения «своего и чужого». Такая восходящая к Эрнсту Кречмеру количественная систематизация ксенофобии (сравнимая с континуумом «норма — невроз — психопатия — психоз») вполне применима и к отдельному человеку, и к человеческим группам. Она полезна для понимания явления и предупреждения некоторой части конфликтов. Но остановиться на ней было бы такой же ошибкой, как отождествлять, например, нудизм и эксгибиционизм. Кроме того, она сама требует некоторых дополнительных размышлений, чтобы быть более понятной.

«Чужое» и «свое» как родители «Я»

В разных выражениях и контекстах неоднократно подчеркивалось, что человеческое «Я» — не столько прямой результат развития его мозга, сколько отражение его окружения. Как писал А. Вознесенский: «Я — семья. Во мне,

Хотя ксенофобия никоим образом не сводима только к национальной/этнической и религиозной нетерпимости, именно в них она обретает наиболее законченное и драматическое, если не трагическое выражение.

тьего Рейха. В психологической сфере такие «научные попытки» держатся на софистике, сведении понятия нации к понятию этничности и национальности «по крови», культурно-ментального плана человека — к характеру как набору устойчивых психических свойств и на распространении выводов из казуистических наблюдений на всю совокупность людей (придании частному характера общего). Еще более широкое пространство для подобных игр предоставляют так называемые исторические факты, при ближайшей проверке оказывающиеся если не подделкой или подтасовкой, то ошибочными, односторонними или предвзятыми интерпретациями.

Предрассудок стремится не только выдать себя за рассудок для других, но и, прежде всего, для себя самого.

Здесь в качестве примера можно вспомнить удивительно психологически точную историю, рассказанную

В связи с этой историей следует отметить два момента. Во-первых, человек никогда не совершает того, что ему представляется дурным, нехорошим, некрасивым, преступным и т. д. В его сознании всегда происходит некое переосмысление, представляющее будущий поступок как нечто позитивное. Происходит подмена (замена, сдвиг, перелицовка, переименование) смысла деяния. Это изменение, далеко не всегда осознанное, обретает и сохраняет способность оживляться, актуализироваться в подходящих условиях или становится достаточно постоянной детерминантой поведения. Примером этого может служить заявление матери одного из скинхедов, обвиняемых в планомерных и регулярных избиениях «черных», на суде в Новосибирске осенью 2003 г.: «Наши дети ни в чем не виноваты, уголовное дело сфабриковано, так как Россией уже давно верховодят таджики и узбеки.

как в спектре, живут семь «Я». Более широко и материалистически сухо у К. Маркса: «Человек есть система общественных отношений». Еще шире и уже духовно — у И. Анненского: «... но в самом Я от глаз Не-Я ты никуда уйти не можешь». И, наконец, всем известна крылатая фраза: «Глядясь, как в зеркало, в другого человека».

Мысли о «чужом» при этом просто не приходят в голову — все это «свое»: свои отношения, своя семья, свой дом, своя духовность. Да и глядеться в другого человека все-таки куда как приятнее, когда он «свой».

Между тем, мы имеем здесь дело с достаточно сложной рефлексивной структурой, принцип которой блестяще описан В. Лефевром. У меня — рефлектирующей персоны в сознании есть образ Я, включающий в себя образы меня, моего осознания Другого и образ Другого, включающий в себя его образ Я и образ осознания меня. Стоящий напротив меня Другой имеет аналогичные образы, но наполненные своими содержаниями, не обязательно совпадающими с моими. Каждый осознает не только, что он находится в отношениях с другим, но и что другой знает об этом. Он — Другой для меня, а я — Другой для него. От того, распознаем и признаем мы друг в друге «своего» или «чужого», зависят наши дальнейшие отношения. От того, как заданы наши отношения к моменту встречи, зависят наши возможности распознать и признать в Другом «своего» или «чужого» (Лефевр, 2003).

«Свое» не существует и невозможно без «чужого». «Свое» очерчено границами, отделяющими его от «чужого» и являющимися границами «своего» в восприятии обеих сторон. «Чужое» — обязательное и необходимое условие «своего». Этот феномен очень хорошо освещает Александр Лобок. «Любая культура — идет ли речь о культурном мире отдельно взятой личности или об историко-географическом культурном материке — существует постольку, поскольку у нее есть особая система семантических шифров, представляющих загадку для всех, кто смотрит на эту культуру извне. Любая культура является культурой постольку, поскольку она таинственна для других ... Эта система особых семантических шифров культуры и есть не что иное, как мифология куль-

туры. Именно миф является подлинной сердцевинной любой культуры ... Миф — это не экзотическая периферия культуры, а сама ее суть. Потому что проблема культуры — это всегда проблема ДРУГОЙ культуры, которая находится по ту сторону существования ЭТОЙ. ... И речь идет отнюдь не только о культуре других географических пространств или другой исторической эпохи, но и о культуре другого по сравнению со мной человека ... Миф — это то, что позволяет человеку чувствовать себя уютно и естественно в своей культуре и неуютно и неестественно — в чуждой. ... Они смотрят друг на друга из реальностей разных мифов, и каждому из них представляется верховом нелепости точка зрения другого» (Лобок, 1997).

«Чужое» предстает здесь совершенно иначе, оказываясь необходимым на путях сохранения различий между «своим» и «чужим», а в плане развития «Я» — системообразующим фактором. «Я» — всегда система отождествления себя со «своим» (культурой, мифами, традициями и т. п.), а стало быть, неотожествления с «чужим». И так же, как в самой культуре, в индивидуальном сознании есть табу на смешение «своего» и «чужого», и суще-

Эти отношения не лишены внутренних и внешних противоречий, разрешаемых в весьма тонком и всегда рискованном балансировании. Ибо даже у маленького ребенка такие противоположные вещи, как утрата матери и поглощение ее любовью, вызывают страх, сравнимый со страхом смерти. Он стремится выйти из него в пространство сбалансированных отношений с ней и с другими людьми — в пространство, где само-определенность, само-стоятельность каждого делают любовь одного безопасной для другого. «Я» — человек (отдельный и уникальный) и Человек (человечество) существуют потому, что принципиально возможен такой здоровый баланс «своего» и «чужого».

Утрата этого баланса сравнима с болезнью, наступающей эпохи, общества, отдельных людей. Выход в пространство страха перед «чужим» и есть ксенофобия в том негативном смысле, в котором это слово обычно используется. Это ужас перед лицом неизвестного и непостижимого «не-Я», защитой от которого становятся его упрощение, опредмечивание и «упреждающая» агрессия на разных уровнях: индивидуальном, групповом, культурном, политическом.

История религий, культур, обществ, войн, история человечества вообще — это история разделения на «своих и чужих», «свое и чужое». Частота связей «чужого» с угрозой заставляет думать, что речь идет не просто о предрассудках отдельных людей или групп, а о существовании неких базовых закономерностей страха перед «чужим».

ствуют проблемы их непереводаемости или неполной взаимопереводаемости, а как следствие — относительность взаимного понимания.

Разграничение «своего» и «чужого» — важнейшая ипостась «Я», без и вне которой «Я» и «Мы» развиваться и существовать не могут. Утратить «чужое» и дать ему вытеснить «свое» — одинаково страшно, одинаково угрожает обесмысливанием, экзистенциальной и физической катастрофой.

Отношения «свое-чужое» — всегда отношения взаимодополнительности.

Вчера и сегодня

Ксенофобия не возникает на пустом месте. У нее есть свои условия и своя психология. Ксенофобию как социокультурное явление блестяще проанализировал Ю.М. Лотман на примере эпохи Возрождения. Последнюю обычно связывают исключительно с положительными изменениями. Но Ю.М. Лотман замечает, что это была эпоха быстрых и психологически неоднозначных изменений, многие из которых были слишком новыми и впечатляющими и вызвали страх. «Быс-

трая — на памяти двух—трех поколений, т. е. в исторически ничтожный срок — перемена всей жизни, социальных, моральных, религиозных ее устоев и ценностных представлений рождала в массе населения чувство неуверенности, потери ориентировки, вызывала эмоции страха и ощущение приближающейся опасности ... Страх был вызван потерей жизненной ориентации. Но те, кто его испытывали, не понимали этого. Они искали конкретных виновников, хотели найти того, кто испортил жизнь. Страх жаждал воплотиться» (Лотман, 1988). Психологически это выражено предельно точно, ибо «свободно плавающие» страх и тревога часто непереносимы для человека. Это та ситуация, когда даже плохая определенность лучше хорошей неопределенности. Воплощение делало страх понятным и подсказывало пути борьбы с ним. «... Почти все вспышки коллективного насилия прошлого проникнуты идеей утраченной идиллии и страха перед новым и чужаками, которые были носителями всяких новшеств, а также врожденным недоверием к людям со стороны: для крестьян это были горожане, для горожан — деревенские жители, бродяги же были чужаками для тех и других», — пишет Жан Делюмо (Делюмо, 1994).

Одним из таких воплощений страха стала наукофобия. В массовом сознании ученый представлял чем-то вроде воплощения дьявола. Вступивший в союз с дьяволом ученый выглядел куда как страшнее для обывателя, чем благочестивый «идиот» (в средние века пришедшее из греческого «идиот» означало всего лишь «не владеющий латынью», «не ученый», «мирянин»).

Второе воплощение страха в эпоху Возрождения — религиозные и национальные меньшинства. Преследование церковью еретиков — не новость, но в это время ненависть к ним становится чертой массовой психологии: говорящий, одевающийся, молящийся не так, как это делает большинство, имеющий «странные» имя или форму носа вызывает настороженность, недоверие, оказывается в роли «чужого среди своих». Одним из свидетельств этого являются эпидемии расовых преследований в Европе эпохи Возрождения.

Наконец, страх перед колдовством, впитывающий в себя все страхи того времени. Он воплотился в охоте на

ведьм, ставшей реакцией на изменение положения женщины в обществе.

Завершая анализ, Ю.М. Лотман пишет: «Каждый резкий перелом в человеческой истории выпускает на волю новые силы. Парадокс состоит в том, что движение вперед может стимулировать регенерацию весьма архаических культурных моделей и моделей сознания, породить и ... блага, и эпидемии массового страха».

С подобным парадоксом мы и имеем дело сегодня. Крушение Советской империи и распад социалистического лагеря привели к резкому повышению уровня массовой тревоги не только в бывшем СССР — эпицентре изменений, но и во всем мире, вынужденном жить в изменившейся и продолжающейся меняющейся ситуации. Это напоминает ситуацию первой половины XX века, когда Октябрьский переворот в России вызвал мощное эхо во всем мире. Активизация старых и образование новых экстремистских движений и партий, терроризм, национальные, этнические и религиозные конфликты — все это черты сегодняшнего мира. Если отметить на карте очаги этих конфликтов, то картина получается весьма впечатляющая. Движение мира к интеграции вывело на сцену ксенофобию.

Самые резкие изменения произошли в бывшем СССР. По некоторым данным, уровень повышенной тревожности в российской популяции составляет 65% вместо обычных 10–15%. Происходящее в России на протяжении последнего десятилетия воспроизводит все описанные Ю.М. Лотманом страхи.

Вспомним воспевание булгаковского Шарикова как воплощения образа народа, по отношению к которому профессор Преображенский куда как более опасное лицо. Это та же самая наукобоязнь. О ней свидетельствуют также расплодившееся в нынешней России бесчисленное количество академий, комитетов и пр. по защите от «психоэнергетического воздействия» и «психотропного оружия»; ярость, с которой обрушиваются на научную сексологию. Происходит преследование так называемых иностранных религий. Наблюдается обострение этнических и национальных противоречий, которые в эпоху застоя еще стыдливо прикрывались дымовыми завесами антишовинистических передовиц в газетах. Се-

годня они не просто «вышли на улицу», но с гордо поднятой головой, со стремлением оспорить лавры первенства Гитлера в создании фашизма раскопками истории зарождения русского фашизма в начале XX века. Распространяется антизападничество.

Внешне парадоксально, но внутренне закономерно, что ксенофобия поддерживается и вполне позитивными процессами. Угнетение советской властью было всеобщим — ничто и никто не были исключением. После освобождения оказалось тяжело строить свободные паритетные отношения. Ибо любить и уважать другого, принимать чужого, не испытывая перед ним страха, возможно лишь при достаточно высокой степени самоуважения и уверенности в себе (это касается отдельного человека, национальной группы и т. д.). Но слишком многое в советской политике было направлено на подавление этого самоуважения. И на первых порах его возрождение носит избыточный, крайний характер самоутверждения за счет другого и чужого.

Следует отметить, что от несправедливости в отношении народов СССР больше всех пострадал народ русский. Отняв у русского народа не меньше, чем у других, его при этом наградили развращающим званием «заглавной национальности» — трудно придумать более эффективную прививку ксенофобических установок.

Безусловно, есть достаточно много людей в России, чуждых ксенофобии. Но мы рассматриваем массовое сознание, массовую психологию, а «уровень человеческой общности стремится к низшему уровню ее членов. Тем самым все могут принимать участие в совместных действиях и чувствовать себя на равной ноге. ... Закон множества мог бы именоваться законом посредственности: то, что является общим для всех, измеряется аршином тех, кто обладает меньшим» (Шлаен, 2000). Психология масс (толпы), подобно омуту, может засасывать даже замечательных пловцов.

Ксенофобическое мышление

Медицинские параллели в разговоре о ксенофобии рискованны — слишком велик искуса сделать третейским судьей в обсуждении ксенофобии психиатра. Но свести ее к тем или иным психиатрическим рубрикам невоз-

можно и некорректно: мы имеем дело с явлением, над которым психиатрия не властна, хотя массовые эпидемии ксенофобии сопоставимы с болезнью. «... коллективные “безумия” имеют иную природу, нежели так называемые индивидуальные «безумия», и нельзя необдуманно выводить одни из других», — пишет С. Московичи (Московичи, 1996). Хотя искус, конечно, велик: так порой хочется свалить все если не на безумие, то на глупость. Однако в них никак не упрекнешь многих активных проповедников ксенофобии — она не коррелирует с интеллектом или показателями по шкалам психопатологии.

Ксенофобическое мышление имеет вполне определенные черты. Ксенофобические установки связаны с особой чувствительностью к выходу за пределы «среднего» и привычного. Это установки прежде всего крайне коллективистского мышления, исходящего из жестких представлений о норме — своего рода «строевое познание», в котором все должно быть по ранжиру и выделиться нельзя. Ю.М. Лотман замечает, что опасности стать жертвами охоты на ведьм, как правило, подвергались «выпадающие из ряда»: самые старые или молодые, красивые или безобразные, богатые или бедные, худые или толстые... Удар приходится по полюсам крайностей, воспринимаемых как вызов стабильности средней нормы. Сам по себе признак не важен: старшему поколению памятли «гражданские сожжения» тех, кого называли «стилягами», запрет на вальс, танго или рок-н-ролл, слоганы типа «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст» и т. п.

Ксенофобическое познание не нуждается в доказательствах — подозрения сами по себе достаточное доказательство. В эпоху Возрождения ученые пытались научно доказать неприменимость к процессам ведьм обычных судебных процедур и оправданность пыток только подозрениями. Их подход повторил А.Я. Вышинский, отменив презумпцию невиновности. Сегодня десятки судов в России рассматривают чудовищные по своей нелепости обвинения против «иностранных религий» так, как будто никакой презумпции невиновности просто не существует.

Ксенофобическое познание опирается не на факты, а на проекции своих тревог и страха. Здесь напрашива-

ется аналогия с тем, что старые психиатры называли «преследуемый преследователь» — когда, обороняясь от угрозы, которая не более чем плод воображения, человек начинает преследовать ее мнимый источник и сам становится агрессивным и опасным.

Ксенофобическое сознание не нуждается в фактах как таковых. Оно опирается на приписывание мотивов злого умысла, враждебности, разрушения, растления, «геноцида русского народа» и т. п., придавая значение доказательных фактов вырванным из контекста событиям или явлениям. Оно вне- и антиисторично: ГУЛАГ, система фашистских концлагерей, Холокост — все отрицается как выдуманная «врагами» ложь.

Оно охотно обращается к категориям колдовства, магии, зомбирования, психоэнергетической агрессии и других тайных воздействий: невозможность проверки открывает бесконечное пространство для спекуляций.

Ксенофобическое познание совершенно не чувствительно к собственным противоречиям. Поразительно, до какой степени абсурдности это доходит. С одной стороны — великий русский народ, которому угрожают геноцидом всякие чужаки («лица кавказской национальности», евреи, масоны, валеологи, другие веры и конфессии, Запад и т. п.), а с другой — муссируемая который год мысль об «инфантилизме и внушаемости русского народа», который могут «водить за нос» все,

Болезненные и кризисные эпохи и периоды социальных катастроф и резких изменений могут сопровождаться тем, что может быть обозначено как «синдром культурного иммунодефицита» — состоянием культуры, при котором запас защитных сил истощен, и ксенофобия принимает эпидемический характер.

Оно ориентировано на достижение желанного результата любыми способами и любой ценой.

Ксенофобическое познание нуждается во враге, но предпочитает, я бы сказал, врага неуловимого, вечного — мировой заговор (сионистский, масонский и пр.) или маленькая, но чрезвычайно коварная группа, которая хорошо замаскирована и пользуется своим тайным языком. Подозрение в причастности к таким «неуловимым» группам и обществам — достаточное основание для преследования.

Это познание никогда не исследует — оно подозревает и разоблачает. Анализ множества судебных материалов и публикаций в прессе показывает, что они состоят только из этого. При этом язык ксенофобического познания эмоционально насыщен, напряжен, инвективен, пропитан сексуальной и архетипической символикой, обращаясь к подсознанию воспринимателей. Близкие данные получили американские исследователи, подвергавшие лингвистическому анализу речи экстремистских лидеров.

кому не лень. Конструкция «великий инфантильный народ» ксенофоба не смущает, напротив, для него все логично: инфантилизм суть повышенная внушаемость, чем враг и пользуется. При этом ни один ксенофоб себя ксенофобом не считает.

Ксенофобное мышление редуциционно — о чем бы ни шла речь, все сведется к избранному предмету ксенофобии. При этом оно крупномасштабно — его не интересует конкретное явление, группа или, тем более, один человек. Его цели и предметы всегда столь же величественны, сколь неконкретны: народ, мир, человечество, цивилизация, национальная безопасность, во имя которых оправданы любые жертвы.

Ксенофобическое мышление изъясняется на языке манипуляций. Оно категорически неспособно к диалогу «Я — Ты», опирающемуся, по М. Буберу, на признание и восприятие Другого как Ты, и признает лишь диалог «Я — Оно», в котором Другой воспринимается как объект, носитель каких-то свойств, но — не личность

(Бубер, 1995). В этом смысле ксенофобическое мышление буквально воспроизводит архетипы архаического мышления, в рамках которого представитель одного племени или обладатель одного тотема отличается от другого, как животные разных видов. Ксенофобическая логика отрицает или преуменьшает роль «чужого» как человека, как личности, как другого Я, отбрасывая нас на многие тысячелетия назад.

Список получается не слишком симпатичный, и проверять себя по нему вряд ли кому-то захочется. Но те или иные проявления, чаще или реже, сильнее или слабее, можно найти и в собственных установках и поведении. Они заставляют задуматься о себе, что-то в себе пересмотреть, изменить. Поэтому что «все начинается с мелочей» и в поле отношений «свой – чужой» мелочей нет – любая мелочь чревата ксенофобией. Тревожит тот факт, что складывается отмечаемая социологами самая опасная тенденция современной ксенофобии – она перестает быть постыдной.

Ксенофобическое сознание фанатично. Фанатики неустанны, и один фанатик создает столько шума, что возникает иллюзия массовости, засасывающая в свою воронку других по логике «большинство знает» и запускающая механизмы «психологии толпы».

Безусловно, есть люди, чьи познавательные установки именно таковы. Очень часто они становятся центрами кристаллизации ксенофобических групп или активными их адептами, находящими в борьбе против «чужого» основной смысл жизни. Такие люди есть всегда и в любом обществе. Их процент в любой популяции примерно одинаков – 5–10%. Но в одни времена ксенофобия распространяется, как эпидемия чумы, в другие – нет. Значит, дело не только в лидерах. Дело в спросе на ксенофобические установки, а он, как мы уже отмечали, возникает в периоды социальной и культурной нестабильности. Когда пора нестабильности и вызываемой ею массовой тревоги минует, когда жизнь снова входит в спокойное русло, этот спрос падает.

Страх изменяет логику людей – даже очень умных. Но с интеллигентом – в точном понимании этого слова Алексеем Симоновым – этого не происходит: ксенофобия – один из самых точных и чутких тестов на ин-

теллигентность. Когда же страх рассеивается, то, что еще недавно казалось совершенно естественным и правильным, становится непонятным («как я мог?!») и невозможным. И тогда конституциональные ксенофобы вновь остаются в меньшинстве и не влияют сколько-нибудь серьезно на жизнь общества и культуры. А ранее примкнувшие стремятся забыть, вычеркнуть из памяти или по-детски оправдаться чьим-то давлением, вынужденностью и т. д., порой сдобривая это некоторой долей романтизации (времени, собственной молодости), или переписать историю, вымарав теперь ненужные, ставшие постыдными страницы.

Итак

Говоря о *Homo Xenophobicus*, мы имеем дело с явлением необычайной сложности, в котором позитивное и негативное – стороны одной медали. Надежды на то, что деление на «свое и чужое» когда-нибудь отомрет, иллюзорны. Более того, такое отмирание поставило бы в крайне затруднительное положение развитие человека. Поэтому есть смысл беречь и свое, и чужое: свое без чужого умирает. В этом смысле ксенофобия предстает в виде мутанта, и можно проследить исторические, политические, экономические и пр. условия, приводящие к мутации.

Вызывая ксенофобическое противодействие, мир все же обнаруживает тенденцию к инновативному проектированию и интеграции. В ней свое и чужое рассматриваются в терминах многообразия, терпимости, ненасильственности.

Здоровая культура не посягает на различия «своего и чужого», разницу в подходах и точках зрения и даже на ксенофобическую ипостась человека. Но она следит за тем, чтобы люди и группы с таким подходом к миру и жизни не причиняли неудобств и неприятностей другим.

Свои ксенофобические группы есть в любой стране и в любой культуре. Но когда они становятся «занозами», здоровая культура ее удаляет.

Болезненные и кризисные эпохи и периоды социальных катастроф и резких изменений могут сопровождаться тем, что может быть обозначено как «синдром культурного иммунодефицита» – состоянием культуры, при котором запас защитных сил истощен, и ксенофобия принимает эпидемический характер (<http://sexology.narod.ru/>

[info012.html](http://sexology.narod.ru/info012.html)). Ускорение жизни становится все заметнее, а провоцирующих ситуаций, соответственно, больше, хотя многие из них носят достаточно локальный и/или кратковременный характер. Здесь уже призван работать закон. Его дело – ограничивать, локализовать, препятствовать распространению.

Практически это означает, что отношения *Homo Sapiens* и *Homo Xenophobicus* в человеке и человечестве всегда будут оставаться проблемными. Сетовать на это бесполезно. Можно оттачивать умение продуктивного совладания с проблемой начиная с себя и далее. Такая перспектива обнадеживает.

Это ставит и проблему личного ответственного выбора в построении отношений с теми, от кого я отличаюсь. Уважать себя как представителя народа, гордиться своим народом – одно, а самоутверждаться за счет унижения «чужого» – совсем иное. И если я даю волю *Homo Xenophobicus* в себе, я должен быть готов принять такое же отношение к себе со стороны другого. Отношения с «чужим» зависят от того, как мы решаем эту проблему внутри себя (личности, общества) здесь-и-сейчас и способны ли мы, хотим ли взять необходимые уроки у истории и собственного опыта. Уроков этих было достаточно. Как показывает опыт, они не взяты или взяты плохо. Значит, будут новые уроки...

Список литературы:

1. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. – М.: Республика, 1995.
2. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. – М.: Голос, 1994.
3. Каган В. Синтаксис погрома. – Электронный ресурс: режим доступа – <http://sexology.narod.ru/info012.html>
4. Кон И.С. Психология межнациональных отношений // Психология национальной нетерпимости. – Минск: Харвест, 1998.
5. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предубеждений) // Новый Мир. – 1996. – №9.
6. Лефевр В. Алгебра совести. – М.: Когито-Центр, 2003.
7. Лобок А. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
8. Лотман Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Зеркало. Семиотика зеркальности: труды по знаковым системам XXII. – Тарту, 1988.
9. Московичи С. Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
10. Поррь ле Э. Врач из Кордовы. – Иерусалим: Алия, 1989.
11. Шлаен Б. Европейские репортажи // Вестник. – 2000. – №7.